

ГЖЕГОЖ БАБИНСКИЙ,

Ягеллонский университет, Институт полонистики и этнических проблем

Национальные и этнические меньшинства в Польше в свете переписи населения 2002 года¹

Abstract

The following article attempts to analyze and interpret the findings of the National Census 2002 with respect to national and ethnic minorities. Apart from a concise summary of numerical data from particular voivodships, much attention is paid to such issues as: methodological remarks regarding questions about the respondents' national identity entailed in the census and the effects of asking such questions, factors distorting one's declaration of national identity, some comments and reactions of minorities to the census results. I hold a more analytic approach towards the three biggest minorities: German, Ukrainian and Belarussian. The census results provide many important data but only when we treat them as complementary information and also when the numbers are somehow considered relative to the situation of a particular minority, as well as the direction and stage of the situation's change. Thanks to the census we know much more about national and ethnic minorities in Poland. This knowledge is, however, secondary, partial, allowing more for formulating hypotheses than firm conclusions. For example, we know for sure that there exists a Silesian identification functioning as a basic ethnic identity, which cannot be narrowed to regional one. However, we do not know much about the further evolution of this community.

Предлагаемая статья является попыткой анализа и интерпретации результатов переписи населения в Польше в 2002 году в разрезе национальных и этнических меньшинств. После краткого представления количественных данных (см. табл.), которые здесь приводятся только на уровне воеводств (доступные на это время данные Главного управления статистики не

¹ *Babiński G.* Mniejszości narodowe i etniczne w Polsce w świetle spisu ludności z roku 2002 // *Studia Socjologiczne.* – 2004. – № 1 (172). – S. 139–152.

Таблица

**Декларирование непольской национальности
по воеводствам Республики Польша**

Вое- водства	Декларируемая непольская национальность												
	вместе	белорусская	кашубская	литовская	лемковская	немецкая	цыганская	русская	словацкая	силезская	украинская	остальные	не указана
ВСЕГО	471475	48737	5062	5846	5863	152897	12855	6103	2001	173153	30957	28001	774885
Дольно- шленское	12219	150	9	62	3084	2158	1331	647	28	99	1859	2792	45366
Куяв- ско-По- морское	2738	83	29	24	16	717	635	213	10	13	191	807	23343
Любель- ское	2910	207	#	12	5	112	677	177	13	9	694	1000	24729
Любус- кое	3377	68	#	24	791	651	277	192	10	20	769	574	19663
Лодзьское	3997	100	#	32	6	325	1029	350	10	22	290	1829	46612
Мало- польское	8332	62	#	25	1584	261	1678	319	1623	74	754	1948	33050
Мазовец- кое	13393	761	31	132	30	574	1310	1342	89	66	1281	7777	163228
Ополь- ское	133342	20	#	8	10	106855	861	128	17	24199	275	966	62443
Подкар- патское	5574	27	#	3	147	116	717	128	36	12	3271	1116	19055
Подляс- кое	55199	46420	#	5156	7	85	369	647	8	4	1441	1059	18060
Помор- ское	12541	166	4897	83	39	2319	196	374	26	45	2987	1409	43606
Шлен- ское	186343	136	46	56	20	31882	1209	544	86	148544	660	3160	193552
Щвенто- кшиш- ское	1138	13	#	5	1	70	339	124	14	3	141	428	18328
Варминь- ско-Ма- зурское	18245	274	8	102	13	4535	435	219	4	5	12009	641	22815
Велико- польское	4334	91	11	40	44	1013	1090	292	21	21	392	1319	19392
Заходно- Помор- ское	7793	159	11	82	66	1224	702	407	6	17	3943	1176	21643

Источник: <http://www.stst.gov.pl/GUS02.doc.xls>. Табл.35

агрегированы на уровне повятов и гмин¹), я хотел бы уделить несколько больше внимания следующим проблемам: а) методологическим замечаниям, касающимся формулировки вопросов о национальной идентификации в опросном листе, и последствиям, обусловленным способом постановки этих вопросов; б) факторам, которые мешают указывать свою национальную принадлежность; в) некоторым реакциям членов национальных меньшинств на результаты переписи и их комментариям. В этом тексте я анализирую только три самых больших национальных меньшинства: немецкое, украинское и белорусское. При рассмотрении проблем немецкого меньшинства необходимо прежде всего разобраться в проблемах силезского меньшинства, вернее силезских меньшинств, так как идентификация силезцев базируется на иных основаниях, и они существенно разнятся в формулировании своих групповых целей, о чем я пишу несколько шире в последующем тексте. Данные переписи, конечно же, представляют силезское меньшинство как единую группу, но она достаточно внутренне дифференцирована, о чем свидетельствуют комментарии исследователей, ее членов и лидеров до и после переписи. Вопрос о национальности, сформулированный в бланке переписи, с одной стороны, напоминает вопрос в первой переписи 1921 года, а с другой — учитывает европейские стандарты. Вопрос был сформулирован следующим образом: “*К какой национальности Вы себя относите?*”. Ниже приводилось определение национальности: “Национальность является декларируемой (на основе субъективного ощущения) индивидуальной особенностью каждого человека, выражающей его эмоциональную, культурную или генеалогическую (с точки зрения происхождения родителей) связь с определенным народом”.

Для сравнения следует посмотреть на результаты переписи, касающиеся языка, используемого опрашиваемыми в частной жизни. Формулировка вопроса относительно языка в анкете переписи была следующей: “*На каком языке (языках) Вы разговариваете чаще всего дома?*”. Конструкция вопроса позволяла отметить два непольских языка, независимо от того, используются они вместе с польским, или же отдельно. К сожалению, доступные данные не дают возможности ответить на вопрос, в каком количестве случаев непольский язык использовался как единственный. Здесь представлены такие данные:

- белорусский — 40 650;
- кашубский — 52 625;
- литовский — 5 838;
- немецкий — 204 573;
- цыганский — 15 728;
- русский — 15 296;
- силезский — 56 643;
- украинский — 22 698².

¹ Административное устройство Польши таково: страна делится на 16 воеводств, воеводства — на повяты, повяты — на гмины.

² Источник: <http://www.stst.gov.pl/GUS02.doc.xls>.

Использование иного, чем польский, языка указали всего 563 499 человек. Это более чем на 100 тыс. больше, чем общая численность всех национальных меньшинств. Пожалуй, это вполне объяснимо, учитывая, что около 100 тыс. человек указали английский язык (это отдельная существенная проблема — кем являются эти люди, особенно если имеют польское гражданство?). Стоит заметить, однако, что относительно более чем 772 тыс. человек не установлено, какой язык они используют. Вероятно, в основном это те самые люди, национальность которых осталась не установленной, ибо по численности это довольно близкие группы — количество человек с не указанной национальной принадлежностью составляет почти 775 тыс. Уровень агрегирования результатов переписи на настоящий момент не дает возможности проверить это предположение. Если это в действительности так, то следовательно, с большой долей вероятности, значительное количество лиц, которые могут относиться к национальным и этническим меньшинствам, не зафиксированы в переписи. На данный момент это только гипотеза. Но если эта гипотеза будет подтверждена, то доступные данные переписи о численности национальных меньшинств придется признать в основном бесполезными или, по меньшей мере, сомнительными. Верификация этой гипотезы возможна, только если будет доступна информация, касающаяся других характеристик этих лиц, которые не предоставили информацию о своей национальной принадлежности и языке общения. Вероятно, таких данных нет, но даже информация об обстоятельствах и причинах отсутствия данных о родном языке и национальной принадлежности (например, временное пребывание за границей, отказ предоставить такую информацию) могла бы подтвердить гипотезу о тесной связи между принадлежностью к национальным меньшинствам и отсутствием ответов на вопрос об этой принадлежности. Кажется обоснованным предположение, что лица, использующие польский язык и декларирующие польскую национальность, имели значительно меньше причин скрывать от интервьюера сведения на этот счет, чем лица, принадлежащие к меньшинствам. Далее эту гипотезу я не использую.

К сожалению, доступные мне в настоящий момент данные не дают возможности скоррелировать национальную принадлежность и язык общения дома. Можно предположить, что корреляция будет очень сильной. Численность групп, использующих язык национальных меньшинств, близка к численности групп национальных меньшинств, хотя имеются и значительные различия. Они касаются в особенности немецкого, силезского и кашубского меньшинств. Приведенные цифры позволяют предположить, что лица, которые идентифицировали себя как силезцы, вероятно, используют дома чаще всего немецкий язык, на втором месте — силезский, но в случае нескольких десятков тысяч лиц это может быть и польский язык. Это предположение основывается на допущении о том, что члены немецкого меньшинства используют исключительно немецкий язык. Из других источников известно, что это не так — из исследований, приводимых в [1], следует, в частности, что около 20% жителей Силезии, называющих себя немцами, не знают и не понимают немецкого языка. Вероятно, что между языком, используемым дома, и этнической идентификацией существуют еще более сложные связи. Снова-таки, только гипотетически можно предположить, что лица, которые указали не польский, а другой язык общения дома, указали и не

польскую национальную идентификацию. Но это означает также, что не существует обратной зависимости — многие опрошенные, идентифицировавшие себя как немцы или силезцы, должны были указать как язык общения дома польский язык. Такова арифметика и логика данных, содержащихся в переписи: около 261 тыс. говорящих по-немецки либо по-силезски при наличии более 326 тыс. немцев и силезцев (в совокупности). Значительное же преобладание случаев использования кашубского языка по сравнению с количеством случаев кашубской идентификации является доказательством того, что кашубская идентификация и идентичность носят ярко выраженный региональный характер и только в небольшой степени этнически-региональный или национальный. В этой ситуации использование дома кашубского языка приблизительно в одном из десяти случаев связано с национальной кашубской идентификацией. Разумеется, эти рассуждения основаны лишь на предположении, что лица, идентифицировавшие себя как кашубы, указали этот язык как родной, так как данные переписи, доступные на этот момент, не позволяют верифицировать эту гипотезу.

Территориальное размещение меньшинств, анализируемое здесь только на уровне воеводств, не дает новой значимой информации по сравнению с уже имеющимися знаниями. Представители немецкого и силезского меньшинств проживают, главным образом, в Силезском и Опольском воеводствах, а также, в небольшом количестве, в воеводствах, которые в прошлом относились к немецким землям (территория Германии до 1939 года). Это говорит об относительно небольшой пространственной мобильности членов этих меньшинств в целом, как и в случае других территориальных меньшинств — белорусов, кашубов, литовцев. Скорее всего, существенную информацию дало бы сравнение количества членов этих меньшинств, проживающих в городской и сельской местности, но такие данные мне не были доступны. Из многих других исследований закономерностей изменений этнических сообществ известно, что урбанизация меньшинства, которое ранее размещалось в основном в сельской местности с преобладанием сельского хозяйства, как правило, ускоряет процессы ассимиляции этого меньшинства. Так, степень урбанизации значительно повлияла на уменьшение территории размещения и численности белорусских идентификаций. Члены этой группы живут в основном в Подляском воеводстве, о чем известно издавна. Менее известно (основываемся только на мнении исследователей), сколько, к примеру, жителей Бялостока называют и называли себя в последней переписи белорусами, в какой степени истинной является гипотеза о возрастании численности категории лиц, идентифицирующих себя как православные поляки. Принимая во внимание значительно меньшую численность белорусских идентификаций по сравнению с оценками таковой, сделанными многими исследователями перед переписью, при неизменной в основном численности православных верующих, можно сформулировать тезис об увеличении группы православных поляков. В то же время урбанизация Опольского воеводства наверняка в меньшей степени повлияла на уменьшение численности силезских идентификаций, тем более, что по меньшей мере одна из влиятельных организаций этого меньшинства — Союз горных силезцев — ссылается на отсутствие сельскохозяйственных традиций в Горной Силезии. Причем и большинство лиц, иденти-

фицирующих себя как силезцы, проживают в Силезском воеводстве, где наблюдается высокий уровень урбанизации.

Более сложной является ситуация с украинским населением. Будучи в основной своей части сельским населением, украинцы были переселены после Второй мировой войны в 1947 году в рамках акции “Висла” преимущественно в сельскую местность. После переселения большинство украинцев в первом поколении остались работать в сельском хозяйстве. Однако в 1970-е годы и позже происходили процессы социальной мобильности этой группы, которые проявились, в первую очередь, в миграции в городские поселения и в возрастании уровня образования. Это, вероятно, основные причины уменьшения случаев украинской идентификации в Польше. Несомненно, действовали и другие факторы, в частности, дискриминация украинского народа и сохраняющиеся до настоящего времени среди большинства поляков сильные негативные стереотипы относительно этой группы. Данные переписи о пространственном размещении украинского населения также не дают качественно новой информации. Украинское население сконцентрировано преимущественно в Варминьско-Мазурском воеводстве, тогда как исторические украинские территории в Подкарпатском и Любельском воеводствах населены относительно небольшим количеством украинцев. Пространственное рассеяние украинской группы можно в значительной степени объяснить, по крайней мере на уровне гипотез, прогрессирующей ассимиляцией этой группы.

В связи с существенными изменениями численности белорусского и украинского меньшинств появляется другая очень важная проблема, которую можно только обозначить, но пока нельзя детально проанализировать.

Это проблема связи между национальной идентификацией и религиозной принадлежностью. Оба этих меньшинства выделались исторически в значительной степени на основе религиозных отличий, что происходит и в настоящее время. Всеобщая перепись не содержала вопросов относительно религиозной принадлежности. Согласно оценкам численности религиозных меньшинств в Польше, численность православных верующих оставалась в последние десятилетия на более-менее неизменном уровне — около 300–350 тыс., тогда как численность членов греко-католической церкви, которая официально называется в Польше византийско-украинской церковью, выросла в течение последнего десятилетия, по оценкам членов этой церкви, до 200 тыс. Если эти цифры близки к действительности, то это означает, что историческая и традиционная связь между идентификацией с национальным меньшинством и его религией в случае белорусов и украинцев радикально разорвана. Связи с религией остались, по этим оценкам, неизменными или даже усилились, в то время как национальная идентификация подверглась выразительной атрофии. Однако возможна и иная гипотеза: приведенные выше статистические данные, касающиеся религиозной принадлежности, точно также завышены, как и оценки численности белорусского и украинского меньшинств до переписи.

Количественные результаты переписи в целом, как представляется, стали очень большим сюрпризом как для самих меньшинств и их лидеров, так и для исследователей, аналитиков и наверняка также для политиков. Близкими к ранее представленным оценкам [2] были только результаты переписи, касающиеся в основном евреев, цыган, литовцев и словаков, то есть групп, о

которых было и ранее известно, что они малочисленны. Очевидный “ущерб” понесли с этой точки зрения три самых больших меньшинства: немцы, украинцы и белорусы. По разным и часто отличающимся оценкам, до переписи численность этих трех меньшинств должна была составлять соответственно 350–400 тыс., 250–300 тыс. и 150–250 тыс. Тогда как данные переписи свидетельствуют, что эти цифры в несколько раз, а в случае украинцев почти в десять раз, ниже. Такие большие расхождения являются результатом, по моему мнению, как переоценки численности этих меньшинств, допущенной ранее, так и несовершенства методов проведения переписи, а также используемого в переписи критерия национальной принадлежности. Значительное снижение численности этих групп, однако, видится прежде всего как следствие ассимиляционных процессов, а также изменений идентичности, которые претерпели меньшинства в Польше в послевоенный период. Здесь не место для анализа всех социальных процессов и всех периодов послевоенной истории Польской Народной Республики и III Речи Посполитой. Ограничусь утверждением, что, как ни парадоксально, после 1989 года произошли, вероятно, самые большие изменения по уменьшению численности меньшинств, в частности украинского и белорусского. Политическое признание меньшинств, признание их независимости и субъектности при одновременно небольшом возрастании уровня общественной толерантности к меньшинствам поставили многих их членов перед необходимостью сделать однозначный выбор и самоопределиваться. Этот “выход из тени”, означающий возможность, а часто, и необходимость однозначного определения своей этнической отличительности, не всегда выражался в сознательном присоединении к меньшинству.

Количественные оценки меньшинств до переписи в целом не учитывали последствий интеграционных и ассимиляционных процессов. Например, моя собственная оценка численности украинской группы исходила из простой экстраполяции общих демографических тенденций в послевоенной Польше, а также из симметричности результатов смешанных браков для поддержания национальной идентичности [3]. Эта симметричность должна была основываться на поддержании равновесия украинской и польской идентичности среди детей, рожденных в смешанных браках. Таких браков было очень много, учитывая пространственное рассеяние украинцев, а также значительную степень их структурной ассимиляции, а в итоге негативные последствия для поддержания украинской идентичности оказались большими, чем ожидалось. Предположение о симметричности последствий смешанных браков, очевидно, было слишком оптимистичным с точки зрения стабильности украинской идентичности, учитывая сильное доминирование польской культуры, а также постоянно сохраняющийся стереотип украинцев. Принимая все это во внимание, не стоит удивляться такой небольшой, по сравнению с более ранними оценками, численности группы, декларирующей украинскую национальность.

Но есть и другая сторона всей этой картины. Я имею в виду в целом мало ощущаемые результаты процессов национального возрождения белорусского и украинского меньшинств после 1989 года. Эти меньшинства получили больше, чем в предшествующий период, возможности расширения своего присутствия в публичной жизни, политике, культуре. Результаты этого увеличения возможностей оказались относительно незначительными. Асси-

миляционное давление доминирующего большинства и высокая степень дискриминации обоих меньшинств в публичной сфере при относительно низком уровне воссоздания институциональной обособленности этих меньшинств после 1989 года увеличили диапазон изменений национальной идентичности [4 – 6].

Самые большие изменения произошли среди немецкого меньшинства. Эта группа, официально не признаваемая в качестве меньшинства, до 1989 года оценивалась в пределах нескольких тысяч лиц. Очень быстро она стала самым большим, явно выделившимся и лучше всего организованным меньшинством. Однако столь же быстро, уже в начале 1990-х годов, немецкое меньшинство почувствовало угрозу со стороны движений силезцев.

Первым и, наверное, самым важным вопросом относительно использованных в переписи техник фиксирования национальной принадлежности является вопрос о том, как соотносятся полученные результаты с “подлинной” или “объективной” численностью меньшинств. Этот вопрос по очевидным причинам сформулирован неправильно, так как не существует никакой “подлинной” или “объективной” численности национального меньшинства. Эту численность каждый раз определяют принятые критерии принадлежности к группе, а также техника и контекст проводимых исследований. В переписи принят субъективный критерий национальной принадлежности. Это согласуется с доминирующими ныне теориями этничности и с критериями принадлежности к группам меньшинств, принятыми в конвенциях и правовых решениях, касающихся прав и охраны меньшинств. Однако этот критерий имеет — в терминах социальных исследований — очень высокую, если даже не максимальную, силу отсеивания. В нашем случае были отсеяны все те лица, у которых имелись какие-то сомнения или неуверенность по поводу иного, нежели польская идентичность, однозначного определения своей идентичности. Одновременно это означает, что все или почти все лица, указавшие свою принадлежность к определенной национальной группе, однозначно убеждены, что именно эта национальная группа является их основной, собственно, единственной группой отнесения по национальной принадлежности. Если речь шла об этом, то следует признать, что вопросы в анкете переписи были сформулированы верно. Но принадлежность к национальной группе, включая, естественно, и группу национального меньшинства, может, как правило, ощущаться с разной силой, основываясь на многих критериях, по-разному между собой связанных. Этих различий и тонкостей относительно принадлежности к группе меньшинства вопросы переписи не учитывали, да и вряд ли могли их учесть. Кажется бы, будет преувеличением предположение, что вопросы из листа переписи позволили выявить только верхушку, если не айсберга, то своеобразной “пирамиды” принадлежности к группе. В этой группе верхушка — это однозначно, полностью кристаллизованные идентичности, а ниже, все более широкие слои — это неопределенные идентичности, двойные или размытые. Однако гипотеза о том, что результаты переписи ближе скорее к минимальным, чем к максимальным показателям численности меньшинств, кажется достаточно правдоподобной и обоснованной, учитывая многие исследования, касающиеся процессов ассимиляции и интеграции этнических меньшинств. Но каковы эти максимальные или хотя бы средние размеры — это опять же зависит от критериев групповой принадлежности и дефини-

ции национального меньшинства. Я гипотетически предполагаю, что данные переписи отличаются *in minus* (в сторону уменьшения) в отнесении к каждому меньшинству, но в то же время величина этого отклонения в случае каждого меньшинства разная.

Формулировка вопроса и техника его постановки, а также пространство свободы в выборе ответа — это не единственные факторы, значимо влияющие на полученные ответы. Вопрос о национальной принадлежности был сформулирован таким образом, что логично было бы предварить его вопросом-фильтром. Тогда каждый индивид, который хотел задекларировать свою принадлежность к группе национального меньшинства, должен был бы ранее однозначно или хотя бы опосредованно указать, что не считает себя членом польского народа. Вопрос действительно касался национальности, но определение “польская национальность” должно было восприниматься как “польский народ”. Считаю, что такая постановка вопроса поставила слишком высокий барьер, чересчур высокий для тех, кто, сохраняя культурные связи со своим этническим сообществом, чаще всего религиозные, основной идентификацией, в первую очередь, гражданской, считает польскую. Можно было в опроснике переписи поместить вместо двух только один вопрос, но сформулированный так, чтобы был возможен выбор двойной, градуированной или промежуточной идентичности. В таком случае численности меньшинств, по моему мнению, были бы намного большими. Но и тогда полученная общая картина была бы наверняка столь же малопонятной, так как нелегко было бы интерпретировать полученные таким образом числовые данные.

Следует обсудить еще одну проблему, не всегда затрагиваемую в исследованиях такого рода. Это проблема субъективного и группового значения декларирования национальной принадлежности к меньшинству. Можно рискнуть, выдвинув гипотезу, что для белорусов и украинцев такое декларирование не имело в принципе большого значения. Оно не влекло за собой каких-либо непосредственно важных, значимых общественных или политических последствий. Обе эти группы, несмотря на множество изменений, которым они подвергаются, и в определенной степени восстановленную после 1989 года идентичность, в данное время не находятся в фазе явной групповой мобилизации. В рамках этих сообществ проходят процессы внутренней дифференциации и расслоения при том, что большая часть членов этих сообществ находится в фазе пассивного, часто даже слабо выраженного участия в групповой активности.

Немецкое меньшинство, после периода явной групповой мобилизации в первой половине 1990-х годов, когда декларирование принадлежности к группе было связано с надеждой на значительное улучшение групповой ситуации, и в определенной мере выступало актом сопротивления непризнанию со стороны большинства, а также способствовало обозначению и выделению своих границ, находится на данный момент в несколько иной ситуации. Сейчас эта группа уже прошла фазу мобилизации и определения границ своей обособленности. Но в свете полученного опыта и перспектив европейской интеграции декларирование национальной принадлежности уже однозначно не связано с изменениями социальной и политической ситуации членов этого меньшинства. Опыт поездок в Германию также не всегда был позитивным для поддержания исключительно немецкой иденти-

кации. Часто именно в близких контактах с немецким окружением те, кто называли себя немцами и проживали в Польше, убеждались, что не в полной мере являются немцами и нередко воспринимаются скорее не как немцы, а как силезцы [7].

В иной фазе своего группового развития находятся силезцы. В переписи и представлении ее результатов их воспринимают как одну общность. В действительности, по всей видимости, нет достаточных оснований, чтобы трактовать все заявления о принадлежности к силезской национальности как равнозначные и одинаково мотивированные. Это является следствием, хотя и опосредованным, организационной дифференциации движения (вернее, движений) за силезскую отличительность. Подчеркивание своеобразия и декларирование идентичности строятся на довольно разных основаниях, из которых типологически можно выделить два наиболее важных. Одно из них, репрезентируемое Движением автономии Силезии, связано прежде всего с этническими факторами и частично генетическими (в смысле общности происхождения) аспектами. Второй тип идентичности, репрезентируемый Союзом горных силезцев, ближе к так называемому “регионализму”, при котором основания идентичности связаны в первую очередь с определенной территорией, в данном случае, с регионом проживания, независимо от этнического происхождения индивида и группы и периода иммиграции на эту территорию, определяемую как родной край для этой группы, в данном случае, Силезия. Я очень упрощенно описываю эти основания идентичности, но здесь не идет речь о более детальном их анализе. Независимо от оснований идентификации, силезское движение имеет много общих черт и, наверное, придет к большей консолидации и прозрачности. Данные переписи по очевидным причинам не дают никакой информации относительно частоты проявления обоих типов идентичности. В то же время подтверждается гипотеза, что силезская группа находится в фазе явной групповой мобилизации. Декларирование принадлежности к силезскому меньшинству было в определенной мере актом самоопределения или даже создания этой группы. Это был, пожалуй, тот “ежедневный плебисцит”, о котором писал более 120 лет назад Эрнест Ренан [8, с. 17–18]. Эта общность находится на этапе формирования и поиска своей идентичности. Для этой идентичности нет явных объективных оснований. Нет, например, отдельного силезского языка (по крайней мере, по мнению большинства лингвистов, но и здесь ситуация меняется), хотя около трети тех, кто декларируют свою принадлежность к силезской национальности, указывают силезский язык в качестве родного. Для нас не так важен языковой статус этого говора — его использует только каждый третий из силезцев, следовательно, он не может служить основанием для самоопределения. Основанием силезской идентичности является, прежде всего, сознание, ощущение своеобразия, общая история, а также переживание дискриминации и отвержения как немцами, так и поляками. На это накладывается еще и восприятие настоящей ситуации и чувство угрозы, связанное с экономической реструктуризацией Силезии. Не следует переоценивать роль экономических факторов, но не следует и пренебрегать ими.

С другой стороны, европейская интеграция увеличивает шансы на выделение и усиление своей отличительности для многих региональных и этнорегиональных групп. Этим шансом хотят воспользоваться и силезцы, ко-

торые понимают, что поддержание специфики разных этнических общностей в объединенной Европе не должно приводить к перекраиванию границ и восприниматься большинством как угроза.

Все, что я писал выше относительно силезской идентификации, отнюдь нельзя найти непосредственно в данных переписи. Но с большой долей вероятности можно сделать такие выводы на основе интерпретации данных. Из них не следует, что силезский народ уже появился или вскоре появится. Но можно все-таки утверждать, что процесс преобразования силезской региональной общности в этническую группу уже начался и идет [9, с. 8; 10, с. 6–7].

Вернемся еще раз к внешне схожим процессам изменения идентичности жителей Силезии и усиления в последние годы кашубского регионализма. Перепись дает очень оптимистическую информацию для первой группы и очень пессимистическую (в смысле численности групп) для второй группы. Верно ли это? Считаю, что нет. Надо учитывать принципиально разные направления изменений этих двух общностей.

Кашубская идентичность и идентификация имеют отчетливый культурно-региональный характер, не исключая принятию доминирующей польской национальной идентичности. Это открытые и плюралистические установки в смысле внутреннего плюрализма. Внутренний плюрализм означает существование бикультурных индивидов, которые знают две культуры, хотя не обязательно — а скорее очень редко — с обеими идентифицируются в одинаковой степени. Внешний культурный плюрализм проявляется в существовании культурной дифференциации общности, в которой отдельные индивиды остаются в основном монокультурными. Поэтому кашубский язык в десять раз более распространен, чем отчетливое осознание себя кашубами. Силезские идентификации более сепаратистские, закрытые, основанные на выделении отличительных черт и поиске их критериев. Но они не должны вести к усилению политического сепаратизма этого меньшинства.

Критерии национальной идентичности могут иметь скорее не политическое, а культурное основание. Стоит напомнить, что в 1981 году, еще в Чехословакии, на вопрос о национальной идентичности 1 млн граждан ЧССР указали моравскую идентификацию, а несколько десятков тысяч — силезскую национальность. И что это изменило в политической жизни? В целом ничего, хотя появились, например, моравские партии, которые на последующих выборах в целом потерпели поражение.

Позволю себе выразить убеждение, что если бы союз силезцев был несколько лет тому назад зарегистрирован без препятствий, численность силезской национальности была бы в последней переписи ниже.

Подводя итоги, можно утверждать, что данные переписи дают много существенной информации, но только если их трактовать как дополнительную информацию и если эти данные определенным образом соотносены с ситуацией, в которой находятся меньшинства, и процессами, которые происходят в этих группах. Благодаря переписи мы знаем о национальных и этнических меньшинствах в Польше гораздо больше. Это знание является опосредованным, фрагментарным и позволяет скорее формулировать гипотезы, чем делать обоснованные выводы. Мы знаем наверняка, что существует относительно широкий диапазон силезской идентификации, как базовой

этнической идентификации, которая не сводится только к региональной идентификации. Многие неизвестно относительно дальнейшей эволюции этой общности, но можно не без оснований предполагать, что численность этой общности будет возрастать. Известно также, что кашубская идентичность имеет ярко выраженный региональный характер, и даже кодификация кашубского языка не привела в последние годы к последствиям в виде кристаллизации кашубской идентичности на этническом уровне. Из данных переписи однозначно следует и то, что возрастание осознания себя сilesцами было обусловлено в основном изменением идентификации немецкого меньшинства. Силезцы, по меньшей мере, их значительная часть, самоопределились скорее в оппозиции к немцам, чем к полякам. Независимо от сомнений, которые могут вселять данные переписи, касающиеся численности отдельных меньшинств, мы имеем право делать из них вывод о явной ассимиляции белорусского и украинского меньшинств. Это не обязательно окончательная ассимиляция, возможно ее следствием является или станет возрастание численности плюралистических и неполных идентификаций, но сам процесс ассимиляции не подлежит сомнениям.

Литература

1. *Berlińska D., Soldra-Gwiżdż T.* Ludność rodzima i mniejszość niemiecka w Polsce. Stan badań // G.Babiński, J.Mucha, A.Sadowski (red.). Polskie badania nad mniejszościami kulturowymi. — Białystok, 1997.
2. *Kurcz Z.* Mniejszości narodowe w Polsce w okresie przemian // K.Bondyra, S.Lisiecki (red.). Odmiany polskich tożsamości. — Poznań, 2002.
3. *Babiński G.* Pogranicze polsko-ukraińskie. Etniczność — zróżnicowanie religijne — tożsamość. — Kraków, 1997.
4. *Mucha J. (red.)*. Kultura dominująca jako kultura obca. — Warszawa, 1999.
5. *Hamilton I., Iglicka K. (ed.)*. From Homogeneity to Multiculturalism. Minorities Old and New in Poland. — London, 2000.
6. *Rabagliati A.* A Minority Vote. Participation of the German and Belarussian Minorities within the Polish Political System 1989–1999. — Kraków, 2001.
7. *Szmeja M.* Polacy? Niemcy? Ślązacy! — Kraków, 2000.
8. *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? // J.Hutchinson, A.D.Smith (ed.). Nationalism. — Oxford; New York, 1994.
9. *Szczerpański M.* Narody, narodowości i spisowe deklaracje // Śląsk. — 2003. — № 8 (94).
10. *Świercz M.* Ślązak brzmi dumniej // Śląsk. — 2003. — № 8 (94).

Перевод с польского Людмилы Скоковой